

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Елнур Бейсенбаев¹
Бахытжан Бухарбаев^{2*}

¹ Заведующий Отделом внутренней политики Администрации Президента Республики Казахстан, PhD-докторант кафедры «Политология» ЕНУ им. Л.Н.Гумилева; Астана, Казахстан, e-mail: beisenbayev.elnur@gmail.com

^{2*} Руководитель издательства «AmalBooks», PhD-докторант кафедры «Политология» ЕНУ имени Л.Н.Гумилева; Астана, Казахстан, e-mail: teriskakpai@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.002>

Аннотация. В статье проводится анализ институциональных изменений в системе парламентаризма Казахстана в контексте проводимых политических реформ. Целью исследования является оценка эффективности перехода от суперпрезидентской модели управления к более сбалансированной системе с точки зрения неоинституционализма и структурно-функционального анализа.

В результате исследования было выявлено, что, несмотря на изменения, направленные на деконструкцию властной вертикали и внедрение смешанной избирательной системы, сохраняется некоторая институциональная инерция, характеризующая текущую модель как гибридную.

Особое внимание уделяется росту законодательной субъектности депутатов, что подтверждается примером закона о возврате активов. В статье обосновывается, что инициативы 2025 г., направленные на переход к однопалатному Парламенту и усиление бюджетного контроля, являются завершающим этапом отказа от транзитной модели.

В заключение делается вывод о том, что успешная политическая модернизация и преодоление институциональной инерции возможны только при условии формирования сильного однопалатного Парламента, опирающегося на развитую многопартийную систему и обладающего реальными механизмами контроля над исполнительной властью.

Ключевые слова: парламентаризм; политические реформы;

САЯСИ РЕФОРМАЛАР ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН ПАРЛАМЕНТАРИЗМ ИНСТИТУТЫНЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ

Елнұр Бейсенбаев¹, Бақытжан Бұқарбай^{2*}

¹ Қазақстан Республикасы Президенті Әкімшілігінің Ішкі саясат бөлімінің меңгерушісі, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің «Саясаттану» кафедрасының PhD докторанты

^{2*} «AmalBooks» баспасының жетекшісі, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің «Саясаттану» кафедрасының PhD докторанты

Аңдатпа. Мақалада жүзеге асырылып жатқан саяси реформалар контекстінде Қазақстандағы парламентаризм жүйесіндегі институционалдық өзгерістерге талдау жасалады. Зерттеудің мақсаты – неоинституционализм және құрылымдық-функционалдық талдау тұрғысынан суперпрезиденттік басқару моделінен неғұрлым теңгерімді жүйеге көшу тиімділігін бағалау.

Зерттеу нәтижесінде билік вертикалін деконструкциялауға және аралас сайлау жүйесін енгізуге бағытталған өзгерістерге қарамастан, ағымдағы модельді гибридті сипаттайтын институционалдық инерцияның сақталатыны анықталды.

Ерекше назар депутаттардың заңнамалық субъектілігінің артуына аударылады, мұны активтерді қайтару туралы заң мысалы дәлелдейді. Мақалада 2025 жылғы бірпалаталы Парламентке көшу және бюджеттік бақылауды күшейтуге бағытталған бастамалар транзиттік модельден бас тартудың қорытынды кезеңі екендігі негізделеді.

Қорытындыда саяси жаңғырудың табысты болуы және институционалдық инерцияны еңсеру дамыған көппартиялық жүйеге сүйенетін және атқарушы билікті бақылаудың нақты тетіктеріне ие, қуатты бірпалаталы Парламент қалыптасқан жағдайда ғана мүмкін болатыны тұжырымдалады.

Түйін сөздер: *парламентаризм; саяси реформалар; Қазақстан; аралас сайлау жүйесі; институционалдық инерция; неоинституционализм; саяси жүйе.*

TRANSFORMATION OF THE PARLIAMENTARY INSTITUTION IN KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF POLITICAL REFORMS

Elnur Beisenbayev¹, Bakhytzhhan Bukharbayev^{2*}

¹ Head of the Department of Domestic Policy of the Administration

of the President of the Republic of Kazakhstan, PhD Doctoral Candidate, Department of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University

^{2*} Head of the «AmalBooks» Publishing House, PhD Doctoral Candidate, Department of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University

Abstract. This article analyzes institutional changes in Kazakhstan's system of parliamentarism in the context of political reforms. The study aims to assess the effectiveness of the transition from a super-presidential model of governance to a more balanced system through the lenses of neo-institutionalism and structural-functional analysis.

The findings demonstrate that, despite reforms aimed at deconstructing the power vertical and introducing a mixed electoral system, institutional inertia persists, characterizing the current arrangement as a hybrid model.

Particular attention is paid to the growing legislative agency of deputies, as evidenced by the example of the law on asset recovery. The article argues that the 2025 initiatives focused on a shift to a unicameral parliament and the strengthening of budgetary oversight constitute the final stage of abandoning the transitional model.

It is concluded that successful political modernization and overcoming institutional inertia are possible only with the formation of a strong unicameral Parliament based on a developed multiparty system and possessing real mechanisms for controlling the executive branch.

Keywords: *parliamentarism; political reforms; Kazakhstan; mixed electoral system; institutional inertia; neo-institutionalism; political system.*

Введение

Современный этап государственного строительства в Казахстане характеризуется структурными изменениями в политической системе, ставшими результатом проводимых Президентом страны К.К. Токаевым ряда институциональных политических реформ. Январские события 2022 г. ускорили процесс принятия четвертого политического пакета, объявленного Главой государства в мартовском послании народу Казахстана в том же году. Кризис прежней модели управления, основанной на суперпрезидентской вертикали, вызвал общественный запрос на демонополизацию власти и построение «Справедливого государства». В этой связи Президентом была провозглашена концепция «Справедливый Казахстан» и выдвинута формула «Сильный Президент – влиятельный Парламент – подотчетное Правительство». Указанные изменения и новый магистральный нарратив стимулировали и научную дискуссию о природе и перспективах казахстанского парламентаризма [1].

В данном контексте особое значение приобретает реформирование института парламентаризма как центрального механизма представительной демократии, обеспечивающего диалог между государством и обществом. Конституционная реформа 2022 г. [2; 3] и последующие электоральные циклы 2023 г. определили вектор развития, направленный на перераспределение полномочий и укрепление роли законодательной ветви власти. Од-

нако внедрение новых институтов сталкивается с некоторым сопротивлением системы, вызванным инерцией прежних политических практик. Подобное противодействие определяет необходимость детального анализа противоречий, возникающих в переходный период.

Цель работы – исследовать особенности трансформации института парламентаризма в Казахстане на основе анализа политических реформ 2022–2026 гг. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- раскрыть теоретико-методологические основы трансформации парламентаризма в Казахстане, используя инструментарий неoinституционализма и концепцию path dependence;
- проанализировать этапы деконструкции суперпрезидентской модели управления в ходе конституционной реформы 2022 года и оценить их влияние на баланс ветвей власти;
- оценить эффективность внедрения смешанной избирательной системы и ее роль в повышении политического плюрализма по итогам парламентских выборов 2023 года;
- исследовать динамику роста законодательной субъектности депутатов Мажилиса на примере разработки социально значимых законов и усиления контрольных функций.

Механизмы и проверяемые ожидания. Исследование предполагает, что изменения в таких формальных правилах, как электоральные параметры, контрольные полномочия и роль конституционного контроля, могут повлиять на мотивацию политических акторов и привести к усилению парламентской субъектности. Ожидается, что усиление Парламента выразится не только в росте доли депутатских инициатив, но и в качественном укреплении контрольных функций. Вместе с тем способность законодательной власти формировать политическую повестку по-прежнему будет сталкиваться с рисками институциональной инерции.

Теоретико-методологические основы и методы исследования

Теоретический фундамент исследования базируется на классической традиции разделения властей (Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье), рассматривающей законодательный орган как главный инструмент ограничения произвола исполнительной власти через общественный договор [4; 5]. В современной компаративной политологии (Х. Линц, Дж. Сартори, Р. Даль) акцент смещен на анализ системных рисков президентских моделей, где конкурирующая легитимность ветвей власти может провоцировать авторитарные тенденции или нестабильность [6; 7; 8]. Применительно к Казахстану данная проблематика, проявлявшаяся в длительном доминировании исполнительной вертикали, требует переосмысления роли Парламента как самостоятельного политического актора.

Для типологизации трансформационных процессов используется классификация А. Лейпхарта, основанная на дихотомии мажоритарной и консенсусной моделей демократии [9]. Анализ показывает, что внедрение в Казахстане смешанной избирательной системы (70/30) формально сближает страну с моделями Венгрии или Японии. Однако в транзитных обществах

внедрение смешанных конструкций нередко выступает формой «институционального компромисса», призванного обеспечить плавную адаптацию политической системы к условиям многопартийности и избежать рисков резкой политической фрагментации представительных органов [10].

Центральной исследовательской оптикой выступает неоинституциональный подход, позволяющий проводить анализ взаимодействия формальных конституционных норм и неформальных политических практик. Следовательно, в качестве инструмента анализа применяется концепция path dependence («зависимости от предшествующего пути») Д. Норта и П. Пирсона [11]. Она интерпретирует феномен «институциональной ловушки», возникшей после конституционного выбора 1995 г., и объясняет устойчивость инерции, препятствующей демократизации даже в условиях реформ.

Структурно-функциональный анализ применяется для оценки реконфигурации полномочий между Мажилисом и Сенатом, выявляя сдвиги в системе сдержек и противовесов.

В анализе процесса легитимации реформ используются элементы социологического институционализма. В частности, рассматриваются такие практики, как Курултай, и концепция «Слышащего государства», что позволяет увидеть, как универсальные демократические процедуры сочетаются с национальной политической культурой.

Для типологизации институциональных изменений и их сравнения с известными моделями демократии и избирательными системами был проведен компаративный анализ. В частности, была использована типология демократий (мажоритарная/консенсусная) для интерпретации эффектов смешанной избирательной системы и ее политико-институциональных последствий в условиях переходного периода.

Метод кейс-стади позволил более глубоко проанализировать конкретные проявления роста парламентской субъектности. В качестве аналитического примера был рассмотрен процесс подготовки и принятия закона о возвращении активов, который иллюстрирует расширение инициативности депутатов и институциональную валидацию результатов реформ через процедуры публичного обсуждения и конституционного контроля.

С помощью контент-анализа публично-политических концепций были рассмотрены механизмы легитимации таких реформ, как интеграция автохтонных практик и нарратив «Слышащего государства», что дало возможность оценить, как идеологические и культурно-политические конструкции используются в качестве инструмента институционального закрепления реформ.

Данные и ограничения интерпретации. Эмпирическая база включает в себя нормативные акты, агрегированные показатели парламентской деятельности (инициаторы законопроектов, контрольные процедуры), а также публичные программные заявления для проведения контент-анализа.

В работе выделяются описательный, объяснительный и сценарно-прогностический режимы. Нормативные оценки используются преимущественно как объект анализа политической легитимации, а не как основа для выводов.

Результаты исследования и их обсуждение *Историческая эволюция и институциональная ловушка (1991–2021 гг.)*

Ретроспективный анализ развития казахстанского парламентаризма позволяет проследить сложный процесс трансформации от советской модели представительства к формированию профессионального законодательного органа. На начальном этапе становления независимости Верховный Совет XII созыва обладал значительной институциональной самостоятельностью, характерной для парламентской республики. Он имел полномочия по принятию Конституции, утверждению бюджета и реальному контролю над исполнительной властью, которой был подотчетен и Президент [12; 13].

Однако структурный баланс, закрепленный Конституционным актом 1993 г., вступил в противоречие с императивами ускоренной рыночной модернизации и интересами исполнительной вертикали власти. В результате политического кризиса и роспуска Верховного Совета в 1995 г. была утверждена новая конституционная модель, которая характеризуется исследователями как модифицированная президентская республика по образцу Франции. В рамках нее полномочия главы государства были существенно расширены. В указанный период также была институционализована двухпалатная система. Вместе с тем Парламент потерял функцию формирования Правительства, что привело к снижению политического влияния законодательной власти [14].

В период с 1995 по 2021 гг. развитие парламентаризма происходило в условиях сильной исполнительной вертикали, что в политологическом дискурсе часто характеризуется как период ограниченной институциональной конкуренции. Введение в 2007 г. пропорциональной избирательной системы было направлено на стимулирование партийного строительства и развитие представительной демократии. Вместе с тем специфика транзитного периода обусловила формирование партийной системы с ярко выраженным доминированием одной политической силы – партии «Нур Отан». В результате Парламенты IV, V и VI созывов функционировали в условиях высокой политической консолидации вокруг стратегического курса руководства страны, что, с одной стороны, обеспечивало стабильность и оперативность законотворческого процесса, а с другой, объективно сужало пространство для системной парламентской оппозиции [15]. В академическом дискурсе данная ситуация характеризуется как «институциональная ловушка». Глубокая укорененность сложившихся управленческих практик и естественное стремление аппарата к сохранению институционального статус-кво объективно замедляли темпы проведения структурных реформ.

Конституционные изменения, внесенные в 2007 и 2017 гг., перераспределили отдельные полномочия, но не затронули фундаментальных основ системы, продолжив тенденцию к консолидации власти. Сравнительный анализ демонстрирует, что сочетание правовой асимметрии, контролируемого набора кадров и ограниченной конкуренции создали устойчивую институциональную структуру, препятствующую формированию механизмов подотчетности исполнительной власти перед Парламентом.

Конституционная реформа 2022 г.: деконструкция и уход от суперпрезидентской модели

В январе 2022 г. возник кризис, который выявил недостатки в системе обратной связи и стал причиной демонтажа суперпрезидентской вертикали власти. В результате конституционной реформы, одобренной на референдуме 5 июня 2022 г., была проведена структурная перестройка властной системы. Закрепление принципа партийной нейтральности Президента позволило устранить риски, связанные со сращиванием высшего руководства с партийными структурами, которые были характерны для предыдущей модели управления [16].

Кроме того, была оптимизирована структура Сената. Сокращение президентской квоты и изменение формата представительства Ассамблеи народа Казахстана обеспечили соблюдение принципа равенства избирательных прав. Введение законодательного запрета на занятие руководящих должностей близкими родственниками Главы государства стало ответом на общественный запрос о необходимости борьбы с nepотизмом.

Институциональный анализ показывает, что в ходе реформ было проведено четкое разделение полномочий между палатами Парламента. Мажилис получил исключительное право принимать законы, в то время как Сенат сосредоточился на их одобрении, что значительно повысило политическую самостоятельность нижней палаты. Для усиления парламентского контроля была введена обязательная отчетность Высшей аудиторской палаты, что обеспечивает прозрачность бюджетного процесса. В совокупности указанные меры свидетельствуют о стратегическом переходе от персоналистской системы к сбалансированной модели разделения властей.

Одним из центральных элементов правовой модернизации стало восстановление Конституционного Суда, который начал свою работу 1 января 2023 г. Изменение модели конституционного контроля и расширение круга субъектов, имеющих право обращаться в суд, включая граждан, Генерального прокурора и Уполномоченного по правам человека, было высоко оценено Венецианской комиссией. Функционирование обновленного органа служит не только фильтром для неконституционных нормативных актов, но и в рамках неинституциональной теории является механизмом перераспределения интерпретационной власти, необходимым для коррекции структурных дисбалансов, связанных с доминированием исполнительной власти. С точки зрения теории сдержек и противовесов, Конституционный Суд играет роль независимого вето-игрока. Он способен корректировать возможные ошибки в правоприменении, что крайне важно для устойчивости обновленной модели государственного управления.

Парламентские выборы 2023 г. и новая конфигурация законодательной власти

Внеочередные выборы в Мажилис, состоявшиеся 19 марта 2023 г., стали первым практическим применением обновленной институциональной структуры, сформированной в результате политических реформ, проведенных в 2022 г. Избирательная кампания проводилась в соответствии с новой формулой, направленной на усиление плюрализма и политической актив-

ности, а также на расширение круга участников, допущенных к участию в избирательном процессе.

Внедрение смешанной избирательной системы. На выборах 1999 и 2004 гг. применялась смешанная мажоритарно-пропорциональная система. Однако мажоритарный компонент имел существенный перевес. Из 77 депутатов 67 избирались по одномандатным округам, а 10 – по партийным спискам.

Прошедшие в 2023 г. выборы проводились по двум схемам:

- 69 депутатов избирались по партийным спискам в едином общенациональном избирательном округе;
- 29 депутатов избирались в одномандатных территориальных округах.

Такая конфигурация была направлена на повышение степени персонафикации политической конкуренции и создание условий для участия независимых кандидатов. Параллельно были внесены изменения, которые снизили порог прохождения партий в Мажилис до 5% и упростили процедуру регистрации партий, уменьшив минимальное количество членов с 20 тысяч до 5 тысяч. Соответственно, изменения в институциональных параметрах создали предпосылки для расширения партийного пространства и появления новых политических акторов.

По результатам выборов произошли изменения в структуре партийного представительства. Шесть партий получили места в Мажилисе, что привело к расширению разнообразия в составе законодательного органа. Партия «Amanat» набрала 53,9% голосов избирателей и получила 40 мест в Парламенте по партийным спискам. В Парламент также прошли партии «Ауыл», «Respublica», «Ак Жол», Народная партия Казахстана и ОСДП. Партия «Baitak» не смогла преодолеть установленный электоральный порог.

Таблица 1. Результаты выборов в Мажилис Парламента РК (2023 г.) [17]

Политическая партия	Голоса (%)	Места (по спискам)
Amanat (партия власти)	53,90%	40
Ауыл (НДПП)	10,90%	8
Respublica (новая партия)	8,59%	6
Ак Жол (ДПК)	8,41%	6
НПК (Народная партия)	6,80%	5
ОСДП (Оппозиционная)	5,20%	5
Baitak (Партия зеленых)	2,30%	0
Против всех	3,90%	н/д

Результаты выборов в одномандатных округах продемонстрировали доминирование партии «Amanat», представители которой получили двадцать два из двадцати девяти мест. В совокупности партия власти получила шестьдесят два места из девяноста восьми, что обеспечило ей устойчивое

парламентское большинство. Появление новых участников электорального процесса, например, таких как партия «Respublica», ориентированная на предпринимательское сообщество, и ОСДП, впервые получившая парламентское представительство, повысило степень репрезентативности.

Следовательно, состав VIII созыва представляет собой гибридную модель, в которой мажоритарный компонент выступает в качестве канала для выражения гражданской активности и локальной повестки, а пропорциональный сегмент обеспечивает общенациональное единство вокруг стратегического курса «Справедливый Казахстан».

Законодательная активность и институциональная эффективность (2023–2024 гг.)

Работа Парламента восьмого созыва в период с 2023 по 2024 гг. позволяет оценить, насколько успешно конституционные нововведения интегрируются в политическую практику. Анализ изменений в законодательном процессе и контрольной деятельности позволяет оценить степень влияния Парламента в обновленной системе власти.

Динамика законотворческого процесса. Статистические данные свидетельствуют о значительном росте законодательной активности. В 2023 г. Мажилис принял и направил в Сенат большое количество нормативных актов, преимущественно социально-экономической направленности. Кроме того, удельный вес депутатов Парламента в реализации внутристрановых, то есть национальных законодательных инициатив превысил долю Правительства, что свидетельствует о значительном усилении Парламента в законотворческой работе.

Так, по итогам трехлетней работы Мажилиса VIII созыва, процент законопроектов, разработанных депутатами (без учета ратификаций), демонстрирует уверенный рост. С 2023 по 2025 гг. доля таких инициатив увеличился с 42,8% (27 из 63) до 50,8% в 2024 г. (31 из 61) и достиг 65,6% в 2025 г. (40 из 61). Под депутатскими законопроектами понимаются проекты, предложенные депутатами (индивидуально или группой) без учета ратификаций. Данный показатель отражает процедурную активность. Для более точной оценки политической субъектности необходимо учитывать следующие факторы: степень доработки проектов в комитетах, наличие публичных слушаний/экспертизы, а также применение контрольных процедур (запросы, слушания, аудит) по тематике инициатив.

Конституционная реформа 2022 г. нормативно закрепила за Парламентом полномочие по применению процедуры немедленного рассмотрения законопроектов, что обусловило институционализацию ускоренного законотворческого механизма, ориентированного на правовое реагирование в условиях кризисных, чрезвычайных и иных нестандартных общественно-политических ситуаций.

Реализация концепции «Слышащего государства»: кейс закона о возврате активов. Принятие закона «О возврате государству незаконно приобретенных активов» в июле 2023 г. стало ярким примером повышения уровня законодательной инициативы в Парламенте. Законопроект был разработан группой депутатов Мажилиса, что свидетельствует об изменении механиз-

мов распределения законодательной инициативы. Закон предусматривает механизмы гражданской конфискации и процедуры добровольного возврата капиталов, выведенных олигархическими группами. В ходе работы над законопроектом парламентские структуры проводили общественные обсуждения и корректировали положения с учетом экспертных замечаний. Конституционный Суд подтвердил соответствие закона конституционным нормам, что укрепило его нормативный статус и завершило процесс институциональной валидации. Данный прецедент демонстрирует способность Парламента служить инструментом реализации политического курса, направленного на демонтаж прежних финансово-промышленных монополий и обеспечение принципов экономической справедливости.

Контрольные полномочия и взаимодействие с правительством. Практика реализации формулы подотчетности правительства характеризовалась активным использованием Парламентом таких инструментов, как слушания, правительственные часы и анализ отчетности Высшей аудиторской палаты. Дискуссии вокруг аудиторских заключений стали более содержательными, а взаимодействие между парламентскими комитетами и исполнительной властью приобрело регулярный характер. Однако политическая конструкция сохраняет ограничения, связанные с процедурой формирования Правительства. Степень политической ответственности министров перед парламентскими структурами остается ограниченной.

В целом, анализ деятельности Парламента в период с 2023 по 2025 гг. позволяет сделать вывод о формировании переходного типа институциональной эффективности. В рамках данной модели законодательная ветвь власти усиливает процедурные инструменты воздействия, но не обладает политическим потенциалом для трансформации структуры исполнительной ответственности. Дальнейшее развитие парламентских механизмов будет зависеть от способности законодательного органа сформировать устойчивые практики контроля, минимизировать зависимость от правительственной инициативы и повысить уровень компетенций в области самостоятельного нормотворчества.

Новый этап институциональной трансформации

В 2025 г. в Казахстане был инициирован новый этап трансформации системы государственного управления, направленный на переход от транзитной модели к модели эффективной работы. Обозначенный курс стал возможен благодаря инициативе Президента К.К. Токаева, представленной в его Послании народу Казахстана 8 сентября 2025 г. [18]. В русле программных предложений была актуализирована повестка перехода к однопалатной структуре Парламента, что является логическим продолжением процесса отказа от суперпрезидентской вертикали и ответом на общественный запрос о повышении роли законодательной власти. Историческая роль Сената, выполнявшего функцию институционального стабилизатора и гаранта регионального баланса в период формирования государственности, в данной логике интерпретируется как в значительной степени реализованная. Подобная реорганизация позволяет создать более гибкий и политически ответственный законодательный орган, который

сможет оперативно реагировать на вызовы современной нестабильности без бюрократических задержек, характерных для двухпалатных систем.

В выступлении Президента К.К. Токаева на заседании V Национального курултая 20 января 2026 г. были представлены существенные уточнения и расширения параметров заявленного реформирования. В ходе выступления было отмечено, что парламентская реформа является частью более масштабного конституционного проектирования. Было указано, что изначально обсуждавшиеся изменения порядка «около 40 статей» Конституции недостаточны, и готовящийся пакет поправок имеет более широкий характер, фактически сопоставимый с глубокой конституционной модернизацией.

Для институционализации и общественно-политической легитимации конституционной реформы 21 января 2026 г. Указом Президента была создана Конституционная комиссия. Успешно завершив работу, 11 февраля 2026 г. комиссия представила Главе государства итоговый проект Основного закона. В тот же день Президент К.К. Токаев подписал Указ о вынесении проекта на республиканский референдум, назначенный на 15 марта 2026 г. [20]. Столь высокая интенсивность принятия решений свидетельствует о беспрецедентной динамике и масштабе текущей институциональной модернизации.

В области электорального дизайна наблюдается дифференцированный подход к формированию представительных органов на национальном и региональном уровнях. Ориентация на формирование Парламента на пропорциональной основе подчеркивает важность партийной ответственности и конкуренции программ, что в условиях унитарного государства может способствовать укреплению политических платформ и снижению рисков фрагментации и локального лоббизма. В то же время сохранение мажоритарной модели для маслихатов отражает потребность в персонализированной связи с региональными сообществами, создавая при этом двухконтурный дизайн представительства: партийно-программный на национальном уровне и территориально-персонализированный – на субнациональном.

Следует подчеркнуть, что инициатива перехода к однопалатному Парламенту связывается с идеей «Курултая» как символическим обращением к историко-политической традиции курултаев. Она предполагает изменение правил формирования высшего законодательного органа. Подобное решение не только повысит авторитет партийных платформ, но и, при условии соблюдения прозрачных правил конкуренции, будет способствовать качественному обновлению электорального пространства, стимулируя развитие политико-идеологического многообразия. При этом эффективность однопалатной модели будет зависеть от зрелости партийной системы и политической конкуренции. Для устойчивости института важны дополнительные правовые механизмы. К ним относятся более четкий статус парламентской оппозиции и, к примеру, гарантии для парламентского меньшинства. Существенно и развитие парламентского контроля над исполнительной властью. Опорой обновленного института парламентаризма должны стать сильные партии с ясными и публично проверяемыми электоральными платформами.

Важным инструментом обеспечения парламентского контроля является

новый Бюджетный кодекс. Он предоставляет дополнительные возможности для депутатского корпуса по мониторингу бюджетного процесса, включая финансовые потоки квазигосударственного сектора. Расширение контрольных функций потенциально повышает прозрачность и усиливает подотчетность управленческих решений в сфере публичных финансов. В совокупности указанные меры направлены на поддержку перехода от процедурной роли Парламента к институционально устойчивой модели контроля.

Кроме того, в новой конфигурации именно местные представительные органы могут стать ведущими участниками перераспределения полномочий на региональном уровне. Наделение маслихатов новой политической субъектностью обеспечит им более весомые рычаги влияния на бюджетный процесс и усилит ответственность местной исполнительной власти. Описанная трансформация имеет принципиальное значение для реализации концепции «Слышащего государства», поскольку она сокращает дистанцию между гражданами и центрами принятия решений и повышает чувствительность институциональной системы к локальной повестке.

Состоявшийся 15 марта 2026 г. референдум и последующее активное институциональное строительство станут основой для окончательного закрепления обновленной модели парламентаризма, а также новой системы сдержек и противовесов.

В целом, реформа, инициированная Президентом, представляет собой стратегический план по построению инклюзивной политической системы. В рамках него эффективность законодательного процесса обеспечивается не сложной иерархией палат, а качеством депутатского корпуса, прозрачностью процедур, институционализацией контроля и прямой зависимостью политического мандата от волеизъявления избирателей. Казахстан движется к модели, в которой сильный институт президентства сочетается с усилением и расширением парламентского влияния, а также подотчетности исполнительной власти на центральном и местном уровнях.

Обсуждение результатов

Первое. Результаты исследования подтверждают эвристическую ценность концепции *path dependence* для анализа казахстанского транзита. Несмотря на деконструкцию суперпрезидентской вертикали в 2022 г., политическая практика демонстрирует некоторую устойчивость неформальных институтов. Сохранение доминирующей позиции партии «Amanat» при внедрении смешанной избирательной системы (70/30) коррелирует с тезисом о том, что в условиях транзита смешанные электоральные конструкции часто функционируют не как механизм баланса, а как инструмент «институционального компромисса». В настоящее время мы наблюдаем явление, характерное для постсоветского пространства, когда новые демократические институты, такие как Конституционный суд и смешанная система, накладываются на старую политическую культуру. Подобная институциональная интерференция ведет к формированию гибридной модели. Соответственно, преодоление «институциональной ловушки», возникшей в 1995 г., представляет собой не единовременный акт, а длительный эволюционный процесс, требующий последовательной трансформации сложив-

шейся управленческой культуры и адаптации государственного аппарата к новым условиям. Весьма важным явился и переход к однопалатному Парламенту. Указанный шаг ознаменовал собой фундаментальное изменение в концепции государственного строительства в Казахстане.

Второе. В 1990-х годах и в период суперпрезидентства Сенат выполнял функцию институционального стабилизатора и «фильтра» инициатив нижней палаты. С одной стороны, в условиях перехода к новой политической культуре приоритетом становятся оперативность и прямая политическая ответственность. Теоретически, подобный вектор развития можно рассматривать как завершение фазы «охранительного транзита». С другой, отказ от бикамерализма в унитарном государстве устраняет излишних вето-игроков, но может, в теории, привести к снижению качества законотворчества, если не будет компенсировано усилением экспертного потенциала депутатов и реальной партийной конкуренции.

Третье. В сравнительной перспективе однопалатная система будет способствовать повышению эффективности работы за счет уменьшения количества участников, обладающих правом вето. Однако влияние на качество законодательства зависит от наличия таких компенсационных механизмов, как развитая система комитетов, публичные слушания, эффективный аудит, конституционный контроль и реальная конкуренция между политическими партиями. В этой связи, при оценке сценария перехода к однопалатной системе необходимо учитывать наличие данных процедурных механизмов.

Четвертое. Рост доли депутатских инициатив до 65,6% к 2025 г. и успешные кейсы, включая, в том числе, закон о возврате активов, свидетельствуют о том, что Парламент перестает быть инструментом исключительно для ратификаций решений исполнительной власти.

Пятое. В контексте проводимых в Казахстане реформ необходимо отметить смещение акцента с центрального на местный уровень. Передача некоторых функций маслихатам может стать стимулом для повышения уровня вовлеченности граждан в процессы государственного управления и принятия решений. Указанная логика согласуется с теорией децентрализации, в соответствии с которой эффективность демократии напрямую зависит от близости центров принятия решений к их бенефициарам.

Шестое. Использование таких публичных нарративов, как идеологемы «Слышащего государства», «Справедливого Казахстана», а также формата Национального курултая, а теперь и Қазақстан халық кеңесі играет важную роль в процессе легитимации проводимых преобразований. Указанные инструменты позволяют перевести процесс перераспределения властных полномочий в плоскость широкого общественного диалога.

Седьмое. Трансформация казахстанского парламентаризма в период политических реформ представляет собой сложный процесс преодоления некоторой институциональной инерции. В этих условиях реализуется стратегия «эволюционной демократизации», которая позволяет купировать риски дестабилизации системы за счет сохранения сильного института президентства. Одновременно с этим стратегия создает легитимное пространство для роста парламентской субъектности и расширения контрольных функций законодательной власти.

Заключение

Исследование динамики институциональной трансформации парламентаризма в Республике Казахстан позволяет сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, анализ политического процесса в Казахстане показывает, что страна постепенно переходит от суперпрезидентской к гибридной модели, включающей элементы более влиятельного института парламентаризма. Укрепление принципа разделения властей и ориентация на инклюзивные процедуры, характерные для представительной демократии, сочетаются с конкуренцией между реформаторскими и консервативными направлениями. Подобная динамика определяет реальное содержание институциональных изменений. С точки зрения неинституционализма, модернизация институционального дизайна не устраняет автоматически практики предыдущего политического режима. Трансформация носит поэтапный характер.

Во-вторых, в результате конституционной реформы 2022 г. и внеочередных парламентских выборов 2023 г. была сформирована новая институциональная структура, включающая в себя смешанную избирательную систему, перераспределение полномочий между палатами Парламента и функционирование Конституционного суда. Данная конфигурация создает предпосылки для выхода политической системы из состояния, которое описывается концепцией *path dependence*. На текущем этапе могут сохраняться определенные вызовы переходного периода, обуславливающие необходимость дальнейшего расширения политического плюрализма и преодоления инерции отдельных управленческих практик.

В-третьих, реформаторский цикл 2026-2027 гг., следует рассматривать как попытку перестроить систему сдержек и противовесов путем расширения участия Парламента в формировании контрольных и арбитражных органов. Потенциальное усиление роли центрального органа законодательной власти проявляется в двух аспектах: (1) нормотворческом; (2) контрольном/кадровом. В сочетании с ориентацией на пропорциональный принцип формирования Парламента и сохранением мажоритарной модели на уровне маслихатов формируется двухуровневый дизайн представительства, который может одновременно повысить партийную ответственность на национальном уровне и усилить чувствительность к региональным вопросам на субнациональном уровне.

В-четвертых, несмотря на увеличение количества депутатских инициатив и расширение инструментов парламентского контроля, архитектура политической модернизации определяется стратегическим курсом института президентства, который задает магистральные векторы. Подавляющее большинство инициатив, направленных на либерализацию общественно-политической сферы и возрождение гражданской активности, являются результатом реализации президентской политической воли. Такой подход минимизирует риски хаотизации за счет сохранения сильной президентской власти и расширения пространства для парламентской деятельности и контроля.

Наконец, теоретико-методологический анализ позволяет сделать

вывод о том, что процесс трансформации парламентаризма в Казахстане вступил в решающую фазу. Успех институциональных реформ и преодоление эффекта зависимости от предшествующего пути напрямую зависят от эффективности перехода к однопалатной модели, развития партийной конкуренции и расширения контрольно-арбитражных функций законодательного органа. Сильный и функционально независимый Парламент является одним из главных условий обеспечения устойчивого баланса ветвей власти в рамках обновленной политической системы. Успех построения «Справедливого Казахстана» зависит от синхронизации стратегической воли «сверху» (институт президентства и конституционное проектирование) с развитием профессионализма, ответственности и автономности представительных институтов, обеспечивающих реальную подотчетность власти перед обществом.

Список литературы

1. Zhiyenbayev M. Kazakhstan's Staged Reforms: Democracy by Evolution, Not Revolution // The Astana Times. – 2025. – 09 Sept. – URL: <https://astanatimes.com/2025/09/kazakhstans-staged-reforms-democracy-by-evolution-not-revolution/> (дата обращения: 05.12.2025).
2. Токаев К. К. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2022. – 16 марта. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения: 05.12.2025).
3. О проведении 5 июня 2022 года республиканского референдума: Указ Президента Республики Казахстан от 5 мая 2022 года № 887 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2022. – 5 мая. – URL: <https://akorda.kz/ru/o-provedenii-5-iyunya-2022-goda-respublikanskogo-referenduma-545131> (дата обращения: 05.12.2025).
4. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лагутина [и др.]. – М.: Мысль, 1988. – 560 с.
5. Монтескье Ш. О духе законов / пер. с фр.; под ред. А.В. Михайлова. – М.: Мысль, 1999. – 736 с.
6. Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – London: Macmillan; New York: NYU Press, 1994. – 219 p.
7. Linz J. J. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. – 1990. – Vol. 1, No. 1. – P. 51–69.
8. Dahl R. A. On Democracy. – New Haven; London: Yale University Press, 1998. – 217 p.
9. Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. – New Haven; London: Yale University Press, 2012. – P. 9–29.
10. Beyond the Case: The Logics and Practices of Comparative Ethnography / ed. by C. M. Abramson, N. Gong. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2020. – 320 p.
11. Kominek J. Each Institutionalization Elementary is a Self-Reinforcing Process Increasing Path Dependency. – Hamburg: CLISEC Working Paper, 2009. – No. 4. – 39 p.
12. Абдильдин С.А. Парламент Казахстана: от Союза к государственности. – Алматы: Казахстан, 1993. – 192 с.
13. Абдильдин С.А. Становление парламентаризма в Казахстане. – СПб., 1993. – 96 с.

14. Сапарғалиев Г.С. Парламентское право Республики Казахстан. – Астана, 2009. – 307 с.
15. Diachenko S. Parliamentarism in Kazakhstan: Key to the Country's Democratization // *Central Asia and the Caucasus*. – 2006. – No. 6 (42). – P. 134–144.
16. Қазақстан адам құқықтарын қорғау бағытында нақты қадам жасап жатыр // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: <https://www.akorda.kz/kz/kazakhstan-adam-kukyktaryn-korgau-bagytynda-nakty-kadam-zhasap-zhatyr-1203253> (дата обращения: 05.12.2025).
17. Kazakhstan: Mazhilis (House of Representatives). Election results 19 March 2023 // IPU Parline. – URL: <https://data.ipu.org/parliament/KZ/KZ-LC01/election/KZ-LC01-E20230319/> (дата обращения: 05.12.2025).
18. Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazakhstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (дата обращения: 05.12.2025).
19. О Рабочей группе по Парламентской реформе: распоряжение Президента Республики Казахстан от 8 октября 2025 года № 250 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2025. – 8 окт. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-rabochey-gruppe-po-parlamentskoj-reforme-891659> (дата обращения: 18.01.2026).
20. О проведении 15 марта 2026 года республиканского референдума: Указ Президента Республики Казахстан от 11 февраля 2026 года № 1170 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2026. – 11 февр. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-provedenii-15-marta-2026-goda-respublikanskogo-referenduma-111316> (дата обращения: 02.03.2026).
21. O'Donnell G. Transitions from Authoritarian Rule: in 4 vol. / G. O'Donnell, P. C. Schmitter, L. Whitehead. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.
22. March J. G. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life / J. G. March, J. P. Olsen // *American Political Science Review*. – 1984. – Vol. 78, No. 3. – P. 734–749.

References

1. Zhiyenbayev M. (2025). Kazakhstan's Staged Reforms: Democracy by Evolution, Not Revolution. *The Astana Times*. Available at: <https://astanatimes.com/2025/09/kazakhstans-staged-reforms-democracy-by-evolution-not-revolution/> (accessed 05.12.2025).
2. Tokaev K.K. (2022). Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana [Address of the Head of State Kasym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan]. Akorda. Available at: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (accessed 05.12.2025).
3. Ukaz «О проведении 5 iyunya 2022 goda respublikanskogo referenduma» [Decree "On holding a republican referendum on June 5, 2022"]. (2022). Akorda. Available at: <https://akorda.kz/ru/o-provedenii-5-iyunya-2022-goda-respublikanskogo-referenduma-545131> (accessed 05.12.2025).
4. Lokk Dzh. (1988). Dva traktata o pravlenii [Two Treatises of Government]. Moscow: Mysl'. 560 p.
5. Monteske Sh. (1999). O dukhe zakonov [The Spirit of the Laws]. Moscow: Mysl'. 736 p.
6. Sartori G. (1994). Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. London: Macmillan; New York: NYU Press.
7. Linz J.J. (1990). The Perils of Presidentialism. *Journal of Democracy*, vol. 1, no 1, pp. 51–69.
8. Dahl R.A. (1998). On Democracy. New Haven; London: Yale University Press. 217 p.
9. Lijphart A. (2012). Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven; London: Yale University Press. pp. 9–29.

10. Abramson C.M., Gong N. (eds.). (2020). *Beyond the Case: The Logics and Practices of Comparative Ethnography*. Oxford; New York: Oxford University Press. 320 p.
11. Kominek J. (2009). Each Institutionalization Elementary is a Self-Reinforcing Process Increasing Path Dependency. Hamburg: CLISEC Working Paper, no 4. 39 p.
12. Abdil'din S. (1993). *Parlament Kazakhstana: ot Soyuza k gosudarstvennosti* [Parliament of Kazakhstan: from the Union to statehood]. Almaty: Kazakhstan. 192 p.
13. Abdil'din S.A. (1993). *Stanovlenie parlamentarizma v Kazakhstane* [Formation of parliamentarism in Kazakhstan]. St. Petersburg. 96 p.
14. Sapargaliev G.S. (2009). *Parlamentskoe pravo Respubliki Kazakhstan* [Parliamentary law of the Republic of Kazakhstan]. Astana. 307 p.
15. Diachenko S. (2006). *Parliamentarism in Kazakhstan: Key to the Country's Democratization*. *Central Asia and the Caucasus*, no 6 (42), pp. 134–144.
16. Akorda. (2025). *Qazaqstan adam kuckyktaryn korgau bagytynda nakty kadam zhasap zhatyr* [Kazakhstan is taking concrete steps to protect human rights]. Akorda. Available at: <https://www.akorda.kz/kz/kazakhstan-adam-kuckyktaryn-korgau-bagytynda-nakty-kadam-zhasap-zhatyr-1203253> (accessed 05.12.2025).
17. IPU Parline. (2023). *Kazakhstan: Mazhilis (House of Representatives). Election results 19 March 2023*. Available at: <https://data.ipu.org/parliament/KZ/KZ-LC01/election/KZ-LC01-E20230319/> (accessed 05.12.2025).
18. *Poslanie Glavy gosudarstva narodu Kazakhstana «Kazakhstan v epokhu iskusstvennogo intellekta: aktual'nye zadachi i ikh resheniya cherez tsifrovuyu transformatsiyu»* [Message of the Head of State to the people of Kazakhstan "Kazakhstan in the era of artificial intelligence: current tasks and their solutions through digital transformation"]. (2025). Akorda. Available at: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstana-kazakhstan-v-epokhu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformatsiyu-885145> (accessed 05.12.2025).
19. *O Rabochei gruppe po Parlamentskoi reforme* [On the Working Group on Parliamentary Reform]. (2025). Akorda. Available at: <https://www.akorda.kz/ru/o-rabochey-gruppe-po-parlamentskoy-reforme-891659> (accessed 18.01.2026).
20. *O provedenii 15 marta 2026 goda respublikanskogo referendum: Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 11 fevralia 2026 goda № 1170* [Elektronnyy resurs] // *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Respubliki Kazakhstan*. – 11.02.2026. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-provedenii-15-marta-2026-goda-respublikanskogo-referenduma-111316> (data obrashcheniia: 02.03.2026).
21. O'Donnell G., Schmitter P.C., Whitehead L. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule*. Vols. I–IV. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
22. March J.G., Olsen J.P. (1984). *The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life*. *American Political Science Review*, vol. 78, no 3, pp. 734–749

Материал поступил в редакцию 29.01.2026

Утвержден к публикации 19.03.2026